

**COVID-19:
КАТАСТРОФА В ЯЗЫКОВОМ ИЗМЕРЕНИИ
РАЗНЫХ СТРАН***

**COVID-19:
A DISASTER IN THE LINGUISTIC DIMENSION
OF DIFFERENT COUNTRIES**

Covid-19 is highly relevant in 2020; among other things, it is attracting new global socio-communicative and linguistic research. Scholars are addressing the linguistic response to the social and psychological situation in different countries in the era of coronavirus. Thus, the Editorial Board has created a forum for specialists to communicate (in writing), one which makes it possible to provide information about their sources on Covid-19 and illustrate theoretical materials. The participants chose to analyse different aspects of language during the pandemic; medical terminology and its relevant vocabulary were the same for all countries. The conversation goes beyond the scope of linguistics, as it is important for the researchers to characterise measures taken by governments to combat Covid-19 and the public's reaction to them as reflected through language. Additionally, the authors focus on spontaneous linguistic responses to the pandemic in the form of language games, metaphors, and references to historical memory of combatting disasters. The pandemic has also caused long-standing forms of speech communication to change. Researchers from different European countries have taken part: *Arto Mustajoki* (University of Helsinki, Finland); National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), *Nadezjda Zorikhina Nilsson* (Stockholm University, Sweden), *Rafael Guzman Tirado* (University of Granada, Spain), *Anna Tous-Roviroso* and *Daria Dergacheva* (Autonomous University of Barcelona, Spain). The conversation was moderated by *Irina Vepreva* and *Tatiana Itskovich* (Ural Federal University Yekaterinburg, Russia).
Keywords: pandemic; Covid-19; speech communication; media; language reality.

Тема Covid-19, актуальная для этого года, обретает новые грани как исследовательская проблема мирового масштаба в социокоммуникативном и лингвистическом аспектах. Исследователи обращаются к проблеме язы-

* *Citation:* Mustajoki, A., Zorikhina Nilsson, N., Tous-Roviroso, A., Guzman Tirado, R., Dergacheva, D., Vepreva, I., Itskovich, T. (Part.). (2020). Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

Цитирование: Covid-19: A Disaster in the Linguistic Dimension of Different Countries / A. Mustajoki, N. Zorikhina Nilsson, A. Tous-Roviroso, R. Guzman Tirado, D. Dergacheva, I. Vepreva, T. Itskovich // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533 / Covid-19: катастрофа в языковом измерении разных стран / А. Мустайоки, Н. Зорихина-Нильссон, А. Тус-Ровиросо, Р. Гусман Тирадо, Д. Дергачева, И. Вепрева, Т. Ицкович // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1369–1390. DOI 10.15826/qr.2020.4.533.

© Мустайоки А., Зорихина-Нильссон Н., Гусман Тирадо Р., Тус-Ровиросо А., Дергачева Д., Вепрева И., Ицкович Т., 2020

кового реагирования на социально-психологическую обстановку, сложившуюся в разных странах в эпоху коронавируса. Объективные обстоятельства современного общения заставляют научное сообщество искать новый формат обсуждения насущных проблем. Предложенная редколлегией журнала форма письменного диалога позволяет как привести информацию об источниках высказываний о коронавирусе, так и подкрепить теоретические положения ссылками на научные изыскания. Участники дискуссии выбрали различные аспекты анализа языкового существования в период пандемии. В поле наблюдений были включены вопросы, связанные с лексиконом дискурса пандемии, который носит глобальный характер: медицинская терминология и актуальная лексика оказались общими для всех стран. Разговор выходит за рамки лингвистического обзора, поскольку важно было охарактеризовать действия правительства по борьбе с коронавирусом и общественную реакцию на эти действия, отраженную в языковых явлениях. В стороне не осталось обсуждение стихийно складывающейся языковой реакции на пандемию, выраженной в фактах языковой игры и метафоры, а также обращения к исторической памяти народа о противостоянии бедствиям. Пандемия оказала влияние и на устоявшиеся формы речевой коммуникации. В обсуждении приняли участие исследователи из разных стран Европы: *Арто Мустайоки* (А. М.; Хельсинкский университет, Финляндия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)¹, *Надежда Зорихина-Нильссон* (Н. З.-Н.; Стокгольмский университет, Швеция), *Рафаэль Гусман Тирадо* (Р. Г.-Т.; Гранадский университет, Испания), *Анна Тоус-Ровироза, Дарья Дергачева* (А. Т.-Р., Д. Д.; Свободный университет Барселоны, Испания). Модераторами обсуждения стали *Ирина Вепрева* и *Татьяна Ицкович* (И. В., Т. И.; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)².

Ключевые слова: пандемия; Covid-19; речевая коммуникация; средства массовой информации; языковая реальность.

И. В. Язык, как чуткий барометр, реагирующий на внелингвистические факторы, фиксирует сложившуюся в мире ситуацию, связанную с пандемией коронавируса. 22 сентября 2020 г. на заседании сессии Генеральной Ассамблеи генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш уподобил пандемию всаднику апокалипсиса. «Мы столкнулись одновременно с эпохальным кризисом здравоохранения и крупнейшей экономической катастрофой... а также с новыми угрозами правам человека», – подчеркнул он [Генсек ООН назвал пандемию коронавируса «пятым всадником апокалипсиса»]. Дискурс пандемии оценивает современное состояние общественно-пространства в терминах опасностей и угроз. Языковая фикса-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

ция этой коннотации позволяет составить представление об общем социально-психологическом фоне текущего времени.

В ходе диалога постараемся представить широкомасштабную картину языковой реальности разных стран в эпоху пандемии. Первый вопрос, который поставим на обсуждение, это взаимодействие власти и населения, реагирование властей на положение дел.

А. М. В Финляндию коронавирус пришел чуть позже, чем в страны Южной и Центральной Европы. Первые экстремальные меры против его распространения были приняты в середине марта: были закрыты школы, введены ограничения в работе ресторанов, запрещены посещения больниц и домов престарелых, проведение крупных мероприятий и т. п. В конце марта на полтора месяца изолировали южную провинцию Уусимаа, в которой находится Хельсинки, от других частей страны, поскольку основная масса заболевавших оказалась там.

Кризис, вызванный мировой пандемией, изменил не только ежедневную жизнь людей, но и их представления о мире и базовых ценностях, о том, что могут и должны сделать правительство и парламент в сложившейся ситуации. Народ поддержал жесткую политику властей, многие выступали даже за большее ужесточение мер по борьбе с коронавирусом.

Особую роль в борьбе с пандемией сыграли молодые женщины, входящие в состав правительства, – премьер-министр и четыре министра коалиционного правительства. Эта пятерка женщин (*naisviisikko*) начала работать с лета 2019 г. и сразу встретила с таким грозным врагом. Многие финны внимательно следили не только за ходом распространения эпидемии, но и за тем, как правительство справляется с ситуацией. В течение первых трех месяцев министры ежедневно выступали по телевизору, объясняя общую ситуацию и принятые стратегии. Основная информация давалась в Интернете на многих языках: кроме финского, шведского и английского, в частности, сообщения шли на русском и сомали.

И. В. В сентябре 2020 г. представитель ВОЗ Дэвид Набарро назвал Швецию образцом правильной борьбы с ковидом-19. По его словам, «в Швеции правительство оказалось способно довериться обществу, а общество смогло довериться правительству» [В ВОЗ поставили в пример стратегию Швеции по коронавирусу]. Так ли это?

Н. З.-Н. В Швеции, в отличие от большинства стран мира, не были приняты жесткие меры по введению ограничений в период продолжающейся коронавирусной пандемии. Первые случаи заражения были официально отмечены в конце января 2020 г. С 12 марта был введен запрет на проведение массовых мероприятий, превышающих количество участников в 500 чел., а позднее, в конце месяца, эта циф-

ра была снижена до 50. В середине марта все высшие учебные заведения и старшекласники перешли на дистанционные формы обучения, однако детские сады и школы до девятого класса включительно продолжали и продолжают работать как обычно. Магазины и рестораны не были закрыты, но везде было рекомендовано соблюдать социальную дистанцию.

Основной целью шведской стратегии было замедлить распространение коронавируса и уменьшить нагрузку на больницы и другие медицинские учреждения. Население должно было с полной ответственностью подойти к рекомендациям властей и добровольно следовать им: оставаться дома при малейших симптомах болезни, мыть руки и соблюдать дистанцию. Всеобщий масочный режим в Швеции введен не был.

Отказ от жестких мер, полного карантина, локдауна вызвал повышенный интерес к Швеции не только у ближайших стран-соседей, но и во всем мире. Вне Швеции, в частности в России, шведская стратегия по борьбе с коронавирусной инфекцией получила название «шведского эксперимента», особого «шведского пути» (РИА «Новости». 15.05.2020), а экономический термин «шведская модель» приобрел новое наполнение, обозначая шведскую линию по борьбе с ковидом (Новая газета. 02.04.2020).

В начале мая количество умерших от ковид-19 приблизилось к 3 тыс. чел., причем, согласно официальной статистике, трое из четверых старше 70 лет жили в домах престарелых или получали муниципальную помощь на дому (Svenska Dagbladet. 06.05.2020). Комментируя эти цифры на очередной ежедневной пресс-конференции, главный эпидемиолог Швеции Андерс Тегнелл констатировал, что страна достигла «ужасающе большого числа» умерших от коронавируса (*”ett förskräckligt stort antal”*), однако никаких новых дополнительных рекомендаций или требований к действиям работающих в сфере ухода за престарелыми не появилось. «Мы верим в действие принимаемых мер и, возможно, еще больше будем подчеркивать их важность. В основе своей они касаются базальных принципов охраны здоровья, остановки распространения вируса и прекращения работы в случае болезни. Мы также дополнительно разработали руководство по улучшению методов работы по предотвращению распространения инфекции», – отвечал на критику А. Тегнелл (Ibid.).

В самой Швеции выбранная стратегия с самого начала пользовалась почти всеобщей поддержкой. Чувство сплоченности перед общей угрозой здоровью всей нации, а также доверие к действиям властей, защищающих своей стратегией общедемократические ценности, свободу передвижения, породили особый тип патриотизма. В шведском языке появилось новое слово, обозначающее это понятие, – *folkhälsonationalism* (букв. folk (народ) + häls- (корень 'здоров'-) + o + *nationalism* (национализм) (Svenska Dagbladet. 27.03.2020). К этому

слову-концепту добавились и его синонимы *coronanationalism* («коронанационализм») и *coronapatriotism* («коронапатриотизм»). Сторонники выбранной линии борьбы с пандемией, основанной на принципе добровольности и на осознании взаимозависимости своего и коллективного блага, стали называться *coronapatrioter* («коронапатриоты») (Dagens Nyheter. 14.05.2020), а противники официальной стратегии в дискуссиях о правильности выбранного пути стали относиться к *coronaopposition* («коронаоппозиции») (Svenska Dagbladet. 01.08.2020). Тот, кто не следует советам и рекомендациям властей и экспертов, должен испытывать стыд. К уже известному новому композиту-концепту *flygskam* ('стыд от полетов', 'летать стыдно') со вторым корнем *skam* («стыд») добавился еще один – *coronaskam* (букв. 'коронастыд'; стыд от невыполнения рекомендаций по борьбе с коронавирусом).

По мере того, как показатели смертности от коронавируса росли на протяжении марта-апреля, почти всеобщее одобрение выбранной стратегии стало сменяться все возрастающей критикой. В течение нескольких дней в апреле в стране был зарегистрирован самый высокий показатель смертности – более ста умерших от коронавируса за день. Доверие к действиям «Управления по охране здоровья населения» (*Folkhälsomyndigheten*, далее – УОЗН) за период с апреля по июнь снизилось от 69 до 57 % (Dagens Nyheter. 01.07.2020). В начале июля оппозиция потребовала создания комиссии по расследованию действий правительства, региональных и местных властей в борьбе с коронавирусной инфекцией, которая в феврале 2022 г. должна будет представить итоговый отчет. В апреле Швеция прошла пик смертности: количество случаев заражения и гибели значительно снизилось в течение лета 2020 г. То, как ситуация будет развиваться дальше, покажет будущее, однако, как иронически отметила журналист центральной газеты Эрика Трейс, комментируя большое количество умерших, «было бы наивным верить в то, что это не повлияет на взгляды людей на наше ранее так восхвалявшееся немного самодовольное сине-желтое строение на окраине Европы» (Svenska Dagbladet. 31.07.2020).

И. В. Известно, что сфера государственной системы – это область жесткого социального контроля, при этом эвфемизация в языке является стратегией уклонения от истины, создания необходимого общественного мнения. На начальном этапе пандемии российское правительство в попытках снизить уровень тревожности ввело в общественный лексикон лексему *каникулы* наряду со словом *карантин*. Речь шла о *налоговых* и *ипотечных каникулах*, о *внеочередных каникулах школьников*. Психологи через СМИ давали советы: *Исключите на время из своей речи такие понятия, как самоизоляция, карантин, ограничения, вирус и т. д. Замените их более приятными словами: каникулы, длинные выходные, отпуск, спокойный отдых* (Губернские ведомости (Южно-Сахалинск). 02.04.2020).

Новый эвфемизм, с одной стороны, был понят буквально: в первые выходные нерабочей недели многие выезжали за город, жарили шашлыки, гуляли в парках, беседовали на лавочках. С другой – эвфемистическая мистификация породила новоизобретенное ироническое слово *карантикулы*: *Объявленные президентом нерабочие дни народ уже окрестил карантикулами – одновременно и карантинном, и каникулами* (Коммерсантъ. 21.04.2020). Наблюдается расширение сочетаемости лексемы *каникулы*: *предприятия уходят на вынужденные каникулы; российский футбол не хотел уходить на принудительные каникулы; в вузе введены «технические каникулы»*.

Н. З.-Н. Интересно рассмотреть официальный дискурс – язык текстов, устных и письменных, который используют шведское правительство, местные органы власти и представители здравоохранения при общении с нацией. В информации о пандемии коронавируса, публикуемой на официальном сайте УОЗН, при обращении к организациям и индивидуальным лицам сообщается о том, что для сдерживания пандемии применяются как правила, привязанные к шведскому законодательству (*legalt bindande regler*), так и рекомендации властей (*myndighetsrekommendationer*).

Приведу ряд ключевых слов, с помощью которых выражается речевая функция побуждения в официальном языке. Они обозначают:

– Запрещение. Например, *förbud* (запрет): *förbud mot allmänna sammankomster med fler än 50 personer, besök på äldreboenden och trängsel på restauranger* («запрет на публичные встречи и собрания более чем в 50 человек, на посещение домов престарелых и на тесное скопление людей (букв. – толчею) в ресторанах»); *inreseförbud* («запрет на въезд»); *tillfälligt inreseförbud till Sverige till och med den 31 augusti* («временный запрет на въезд в Швецию до 31 августа»).

– Совет, предостережение. К ключевым словам относятся существительные *råd* («совет»), *rekommendation* («рекомендация») и *avrådan* (букв. ‘от-совет’; совет воздержаться от чего-л., предостережение), глаголы *rekommendera* («рекомендовать») и *avråda* (букв. ‘отсоветовать’; ‘советовать не делать что-л.’, ‘предостерегать’). Слова *rekommendation* («рекомендация») и *råd* («совет») употребляются, как правило, синонимически. Так, в кратком информационном листке на русском языке на сайте УОЗН эти рекомендации перечисляются списком под названием «Семь простых советов, как защитить себя и других».

Интересен также выбор конструкции, в которой формулируется отношение УОЗН к ношению защитных масок: *Folkhälsomyndigheten avstår från att rekommendera allmänheten munskydd* (УОЗН, букв. ‘**воздерживается** рекомендовать общественности’ защитные маски). Выбор глагола с отрицанием *rekommenderar inte* («не рекомендует») обозначил бы более четкую позицию властей в вопросе, который не-

однократно обсуждался как специалистами, так и в шведских СМИ, разделив участников дискуссии на сторонников и противников ношения масок.

– Побуждение, просьба. Отдельно можно выделить глагол *upprmana*, обозначающий побуждение. Как правило, это сильное побуждение, которое может исходить от говорящего с позиции власти, хотя последнее не всегда обязательно [Svensk ordbok]. На русский язык этот глагол переводится словами следующего синонимического ряда: *призывать/призвать, побуждать/побудить, уговаривать, убедить*. Интересно отметить, что ситуация побуждения в официальном регистре, в которой используется этот глагол, на русском языке оформляется, как правило, глаголом *просить*, то есть речевым актом просьбы. Ср.: *de resande upprmanas att...* («пассажиров [убедительно] просят» + inf., «к пассажирам [убедительная] просьба» + inf.) [Marklund-Sharapova et al.]. Глагол *upprmana* («призывать», «убедительно просить») можно, например, встретить на сайте УОЗН в обращении к лицам, находящимся в группе риска, и к пожилым людям: *Särskilda riskgrupper, inklusive personer som är 70 år och äldre, upprmanas att undvika nära kontakter med andra och att undvika platser där många människor samlas* («**Убедительно просим** лиц, относящихся к особым группам риска, включая людей в возрасте 70 лет и старше, избегать близких контактов с другими, а также посещения мест, где собирается много людей»).

В шведской стратегии борьбы с пандемией присутствуют не только общие побуждения, советы и рекомендации, но и запреты и связанные с ними требования соблюдать правила, предписания, привязанные к законодательству. Вторжение официального языка в každодневную жизнь, его постоянное экспонирование на пресс-конференциях УОЗН, в языке шведских СМИ породили вполне обоснованную неуверенность в законодательной и – шире – юридической силе предлагаемых действий, в особенности тех, которые называются словами, имеющими обычные значения в шведском лексиконе. Язык властей неоднократно подвергался критике за его нечеткость. «Когда представители органов власти обращаются к нам со словами *upprmana* (“призывать”, “просить”), *vädja* (“взывать”, “умолять”), *rekommendera* (“рекомендовать”), что все эти слова значат на самом деле?» – спрашивают журналисты шведского телевидения (Sveriges Television. 04.04.2020). Ответ специалистов, врача Анны Нергорд и преподавателя шведского языка Стокгольмского университета Лены Линд Палицки, однозначен – слово *rekommendation* («рекомендация») является самым сильным, которое органы власти могут использовать, не имея опоры в законе или даже в законопроекте (Ibid.).

В ситуации пандемии, когда совет и рекомендация даются государственными органами, имеющими безусловный авторитет для исполнителя, происходит прагматическое усиление признака обяза-

тельности выполнения действия: *рекомендации* (*rekommendationer*) приравниваются к *требованию* (*krav*), при котором «в идеале ожидается беспрекословное исполнение Слушающим воли Говорящего» [Функциональный синтаксис русского языка, с. 260]. На сайте УОЗН речь идет о возможности для родственников посещать своих близких в домах престарелых в том случае, если родственники смогут показать результаты тестов на наличие у них антител: *Men på provsvaren framgår inte om testen gjorts enligt FHM: s rekommendationer – ett krav för att få komma in på boenden* («Но из результатов не следует, сделаны ли тесты согласно **рекомендациям** УОЗН – **требованию** для посещения этих домов», Svenska Dagbladet. 16.07.2020).

Обращают на себя внимание и конструкции, в которых в официальном стиле употребляются слова синонимического ряда «совет». Советы и рекомендации *отменяют* (*häva, upphäva; lyfta, lyfta av, букв. 'снять'*) так же, как правила и законы. Так, в июне УОЗН отменило свою рекомендацию о дистанционном обучении для учеников 10-го класса и старше: *I juni lyfte Folkhälsomyndigheten sin rekommendation om distansundervisning i gymnasiet...* (Dagens Nyheter. 19.06.2020), а с 31 июля МИД отменил рекомендацию воздержаться от посещения еще нескольких стран: *...häver Utrikesdepartementet sin reseavrådan för ytterligare länder.* (Dagens Nyheter. 30.07.2020). Советы могут так же, как и законы, прекратить свое действие: *Sedan den 13 juni gäller inte längre avrådan från resor inom Sverige* («С 13 июня рекомендация/совет воздержаться от поездок по Швеции больше не действует») [Regeringskansliet].

Жители Швеции и иностранцы, планирующие туда свои поездки, должны быть внимательны к практическому толкованию обычных шведских слов *råd, rekommendation, avrådan* («совет» и «рекомендация») различными организациями: они также оказываются в плену официального шведского языка, который посредством лексико-семантической сочетаемости включает эти слова в ассоциативный ряд со словами, относящимися к законодательству. Нарушение законов ведет к судебной ответственности, что не распространяется на невыполнение рекомендаций и советов, однако конструкции самого языка говорят об обратном, поэтому критика нечеткости языка властей представляется более чем обоснованной.

A. T.-R., D. D. At the beginning of Covid-19, there was six weeks of full lockdown in Spain, which was the strictest in Europe; in March 2020, the Spanish government launched a campaign aimed to inform and sensitise the country's population with respect to the new phenomenon of the pandemic. On 15 March 2020, all the major Spanish newspapers were published with the same first page cover: *Este Virus Lo Paramos Unidos* ("United, we will stop this virus").

It is not a novelty for the Spanish government to use hashtags in their campaigns. Both political parties – the far-right Vox, who has been especially active in these terms, and the socialist coalition government in power (PSOE and Unidas Podemos) – have used them extensively beforehand (e. g. #PedroSánchezPresidente; or #investidurasanchez and #EspañaExiste, to name a few [Ortega]). The campaign with the hashtag #EsteVirusLoParamosUnidos was initially a press campaign: it appeared in the most popular Spanish and Catalan newspapers (*El País*, *El Mundo*, *ABC*, *La Razón*, *La Vanguardia*, and *El Periódico*, among others), as well as in some newspapers from other Spanish-speaking countries in Latin America, such as Argentina, Peru, Puerto Rico, and Mexico.

The campaign was initiated by the Sanitary Ministry of Spain. The “Kitchen” advertising agency was responsible for its creation and implementation, and the campaign used both traditional sources (mass media, posters) as well as digital ones, including its own website, *Facebook*, *Telegram*, *YouTube*, and *Twitter*. According to the newspaper *El Confidencial*, the cost of the campaign was 4.5 million euros.

A team of researchers from the Autonomous University of Barcelona have gathered data from Spanish Twitter when the epidemic was at its peak: 30 March – 2 April 2020. The number of deaths from Covid-19 during this period reached 950 a day on 2 April, according to RTVE [RTVE].

The official press conferences covering the Covid-19 pandemic in Spain often used combat-loaded or military rhetoric, aiming to hit ‘contra el coronavirus’, or ‘against the coronavirus’, and this strategy has already been criticised by some scholars [Costa-Sánchez, López-García]. As López-García (2020, 9) [López-García] states, “The war-like language and the presence of [military] uniforms on the news and during press conferences clearly showed the government’s intention: this is war”. According to these authors, the military metaphors were supposed to play well due to the fact that the armed forces have a better public image than the government or politicians. In this research, using automated text analysis, we looked at whether this also happened on Twitter.

Automated text analysis comes from the field of computational linguistics and refers to a set of techniques that use the power of artificial intelligence to answer social science questions [Carley; Weber; Humphreys, Jen-Hui Wang]. The language that we analyse in this research interests us as a construct (in our case – military-like rhetoric): computers were used to measure such constructs, provide systematic comparisons and sometimes find patterns that neither human researchers nor subjects of the research can detect [Humphreys, Jen-Hui Wang]. We used the Netlytic online service to gather data [Gruzd, Tsyganova] and WordStat software to perform computational content analysis [Davi et al.]. The analyses were based on data sets of publicly available tweets with the hashtag collected between 31 March and 4 April 2020. The sample included a total of 398,523 tweets in four data sets. With the help of WordStat, we investigated the

frequency of word usage and the co-occurrences of words in the tweets (that is, when the analysed words repeatedly appear together in the same paragraphs).

И. В. Борьба с пандемией не могла не отразиться на пополнении словарного запаса языков. Кроме того, происходит актуализация узальных слов и выражений, используемых в речевой коммуникации, связанной с коронавирусом. Здесь мы наблюдаем много общего между разными языками, что требует обсуждения.

Р. Г. Т. Испанский язык не является исключением из этого правила. Такие слова, как *pandemia* («пандемия»), *epidemia* («эпидемия»), *cuarentena* («карантин»), *confinación* («ограничительные меры») или *coronavirus* («коронавирус»), являются самыми высокочастотными среди всех вводимых в поисковую строку браузера в Интернете. С большой степенью вероятности можно утверждать, что слово *coronavirus* прочно вошло в наш лексикон. Всем стала известна этимология слова: номинация возникла на основе сходства контуров вируса с солнечной короной. Это общее название, взятое из латыни и зафиксированное в словарях медицинских терминов.

Кроме этого термина, пандемия породила много слов, которые, скорей всего, будут зафиксированы в словаре испанского языка. Их фиксация будет зависеть от решения Королевской академии (RAE). Ее отчет показывает, что онлайн-словарь получил с начала пандемии до конца мая более 100 млн запросов по поводу самых востребованных слов: это *cuarentena* («карантин»), *pandemia* («пандемия»), *confinamiento* («ограничительные меры»), *contingencia* («непредвиденные обстоятельства»), *moratoria* («мораторий»), которые в интернет-поиске встречаются рядом с медицинскими терминами *asintomático* («бессимптомный»), *contagio* («заражение»), *intubación* («интубация»). Рядом с этой лексикой идут другие, более конкретные слова, такие как *máscara* («маска»), *médico* («врач»), а также слова с негативной и позитивной коннотацией: *inocuo* («безобидный»), *solidaridad* («солидарность»), *esperanza* («надежда»), *altruismo* («альтруизм») или *resistencia* («сопротивление»).

В испаноговорящем мире, состав которого в настоящее время насчитывает почти полмиллиарда человек, за состояние и судьбу языка отвечают так называемые академии языка. В каждой испаноговорящей стране имеется одна академия. В Испании эту роль выполняет Испанская королевская академия (RAE), основанная в 1713 г. Она среагировала с редкой быстротой на сложившуюся ситуацию и дала несколько советов, как использовать все термины, связанные с вирусной пневмонией. ВОЗ предложила сокращение COVID-19 («коронавирус» + «болезнь» + [20]19). Ученые советуют говорить не о ковиде-19, а о КОВИДЕ-19. Аббревиатура COVID-19, называющая

заболевание, вызванное SARS-CoV-2, обычно используется в мужском роде (COVID-19) под влиянием единиц, номинирующих ряд коронавирусов и других вирусных заболеваний. Узуальное использование формы женского рода (la COVIDARUM-19) объясняется тем, что *enfermedad* («болезнь», англ. 'disease') является ядром аббревиатуры (CORonaVirus Disease).

Королевская академия советует писать единицу прописными буквами, поскольку это «недавно созданная аббревиатура, еще не лексикализованная» [RAE], хотя, если она станет общим названием болезни, ее следует писать строчными буквами. Она также уточнила, что «коронавирус» пишется одним словом и с начальным регистром, если он используется в качестве общего названия вируса или заболевания, но возможна и форма множественного числа существительного – *коронавирусы*. Академики RAE также подчеркивают избыточность словосочетания *глобальная пандемия*, поскольку сам термин *пандемия* уже определяет масштабность распространения болезни.

Термин *коронавирус* пока не обнаружен в последнем обновлении *Diccionario de la Lengua Española* (DLE), но уже предложен для последующего включения.

А. М. Для финского языка свойственна легкость составления сложных слов. Активное распространение получили такие слова, как *koronaepidemia* («эпидемия»), *koronapandemia* («пандемия»), *koronavirus* («вирус») и *koronakriisi* («кризис»). Эти единицы могут употребляться и без первой части (*epidemia*, *pandemia*, *virus*, *kriisi*) с таким же значением. Из них слово *pandemia* встречалось редко, практически только в самом начале, когда ВОЗ объявила, что эпидемия стала пандемией. К тому же само слово *korona* может иметь значение «кризис» или «эпидемия».

В финском языке слово *korona* не имеет значения головного убора монарха (это по-фински *kruunu*), зато обозначает игру, похожую на бильярд, которая лет 30–50 назад в Финляндии была весьма популярной. Удивительно, но во время карантина люди стали снова играть в нее.

Как показано в работах [Мустайоки, Стексова; Viimaranta, Mustajoki], роль агенса легко приобретают нестандартные субъекты. Это касается и слова *korona*. При употреблении оно обозначает не сам вирус, а ситуацию, вызванную им. Некоторые примеры: *Korona aiheuttaa lähivuosina yhden prosenttiyksikön korotuspaineen eläkemaksuihin* («Корона вызывает потребность повысить пенсии на один процент»); *Korona tekee meistä pyhimyksiä tai paholaisia* («Корона делает из нас святых и дьяволов»); *Korona tekee ison loven erityisesti nuorten naisten talouteen* («Корона делает большие дыры, особенно в бюджете молодых женщин»).

Эпидемия породила десятки других новых слов с первой частью *korona*. Многие из них – нейтральные слова официальной речи, встре-

чающиеся также в обиходном общении: *koronarokote* («вакцина»), *koronakuolema* («смерть»), *koronaongelma* («проблема»), *koronatesti* («тест»), *koronatilastot* («статистика»), *koronatieidot* («данные»), *koronakaranteeni* («карантин»), *koronalääke* («лекарство»), *koronamaski* («маска»), *koronatilanne* («ситуация»), *koronapotilas* («пациент»), *koronastrategia* («стратегия»), *koronalähde* («источник» [заражения]), *koronapiikki* или *koronahuippu* (пик числа заболевавших вирусом). Появились слова, обозначающие «коронное время» (*korona-aika*): *koronakevät* («весна»), *koronakesä* («лето»), *koronakuukausi* («первый месяц»). Если в коммуне появилось первое заражение от вируса, она стала *koronapitäjä*, если человек убежал из Хельсинки в провинцию, стараясь избежать «короны», он стал *koronapakolainen* («беженец»).

Негативные последствия, непропорциональные регуляционные меры или неправильную, по мнению говорящего, информацию характеризуют словами *koronapaniikki* («паника»), *koronahysteria* («истерия»), *koronavalhe* («ложь»), *koronaskandaali* («скандал»), *koronapelko* («страх», «боязнь»), *koronasotku* («беспорядок», «неразбериха»). Резко жаргонное слово *koronakusetus* встречается только в соцмедиа. Оно обозначает «блеф», «фальшь», «фуфло», имеется в виду, что вся история с коронавирусом – это большой обман властей, которые реализуют свои тайные замыслы.

В некоторых сложных словах содержатся достаточно широкие понятия, например, *koronavelka* обозначает государственный заем, который берется для покрытия расходов, вызванных пандемией; *koronatuki* – государственная поддержка, которая оказывается фирмам и организациям. Слово *koronakuri* (досл. ‘коронная дисциплина’) означает соблюдение инструкций властей. Интересно описательное слово, которое встречается как в соцмедиа, так и в более официальных текстах, – *koronalinko* (или *viruslinko*). Вторая часть слова *linko* в прямом значении имеет в русском языке три эквивалента: *праща*, *сушилка белья с центрифугой* и *центрифуга*. Метафорическое употребление слова дает представление о человеке или месте, эффективно распространяющих вирус вокруг себя. Сам человек – *supertartuttuja*, своего рода «суперзаражатель».

В финском языке возможны сложные слова, состоящие из трех и более частей, например, *koronavirustartuntarypäs* звучит по-фински вполне нормально. Кроме элементов «корона» и «вирус», в слове содержатся еще два – *tartunta* («заражение») и *rypäs* («пучок»). В итоге формируется значение: совокупность (группа) людей, внутри которой особенно много заражений коронавирусом.

Н. З.-Н. Пандемия коронавируса актуализировала в шведском языке менее частотные слова и словосочетания, которые раньше употреблялись большей частью в научном стиле. Приведу несколько примеров.

Одной из основных мер по борьбе с пандемией в Швеции является стабилизация роста количества зараженных, выведение его на плато, отсюда все понимают, что важным оказывается *выровнять кривую роста* (*plana/platta ut kurvan*). Приобретение *стадного иммунитета* (*flockimmunitet*) никогда не являлось конечной целью шведской стратегии – целью, которой необходимо достичь любой ценой, как неоднократно заявлялось в ряде зарубежных СМИ, это лишь идеальный сценарий развития пандемии. Так как *заражение* коронавирусом происходит *воздушно-капельным путем* (*droppsmitta*), то важно соблюдать *социальную дистанцию* (*social distansering*). По поводу слова *социальный*, этой кальки с английского языка (*ср. англ. 'social distancing'*), высказывались различные точки зрения. Так, ведущая рубрику «Шведский язык» в газете *Svenska Dagbladet* Лина Линд Палицки считает, что наиболее подходящим словосочетанием в данном случае является *физическая дистанция / физическое расстояние* (*fysisk avstånd*). По ее мнению, сейчас шведы общительны (*sociala*), как никогда прежде, хотя и без физического контакта (*Svenska Dagbladet*. 23.03.2020). Точное расстояние социальной дистанции по-прежнему является предметом обсуждения, однако в шведский язык прочно вошло слово *tvåmetersregeln* («правило двух метров»), которое говорит само за себя.

Кратко остановлюсь на новых словах, которые появились в шведском языке в связи с пандемией коронавируса. Безусловно, главными являются слова, называющие сам вирус и вызываемую им болезнь. Медицинскими терминами, обозначающими вирус и болезнь, являются *SARS-coronavirus-2* и *covid-19*, последний термин часто используется в языке шведских СМИ с цифрой и без нее: *avlida av covid-19* («скончаться от ковид-19»), *bekräftade covid-19-fall* («подтвержденные случаи заражения ковид-19»). В обычном употреблении часто используется просто *coronavirus* («коронавирус») или разговорная форма *corona* («корона»).

Обращает на себя внимание и огромное количество новых слов, образованных методом словосложения, первым компонентом которых являются *covid* и *corona*: *covidsjuk/coronasjuk* («больной ковидом/коронной»), *coviddrabbad/coronadrabbad* («пораженный ковидом/коронной»), *covidspridning/coronaspridning* («распространение ковида/короны»). Композиты с первой частью *corona* наиболее частотны. Предпочтительную сочетаемость первых частей многих композитов еще предстоит исследовать, однако уже сейчас можно предположить, что нейтральный и более разговорный вариант с первой частью *corona* имеет более широкую сочетаемость в шведском языке. Ср. еще: *coronaavstånd* (расстояние при общении в период короны, социальная дистанция), *coronaoffer* («жертва короны»), *coronatider* («времена короны»), *coronaläget* («ситуация с короной»), *coronahälsning* (приветствие на расстоянии без пожатия руки), *coronapaket* («антикризисный пакет мер»).

Новым словом является композит *tegnelleffekten* («эффект Тегнелла»), первая часть которого включает фамилию главного эпидемиолога Швеции Андерса Тегнелла. За этим словом стоит эффект его популярности, возникший в результате его каждодневных выступлений на пресс-конференциях УОЗН, передававшихся по шведскому телевидению. Спокойный, ровный и даже скучный тон чиновника, его независимость от мнения других и критики извне, упорство в отстаивании шведской стратегии в борьбе с коронавирусом вызывали и вызывают симпатию многих шведов и доверие к действиям экспертов и властей; несмотря на признание ряда ошибок, доверие к нему как эксперту и представителю власти продолжает сохраняться.

Новые сложные слова образуются и в результате контаминации – соединения двух слов или их частей друг с другом с устранением части одного или обоих слов. Будучи особым приемом словообразовательной игры, контаминация придает слову шуточный оттенок. Так, слово *corontän* образовалось путем соединения первой части слова *coron-a* и второй части слова *karan-tän*, а слово *hemestra* («проводить отпуск в своей стране, дома») полностью включило в себя слово *hem* («дом»), при этом глагол *semestra* («проводить отпуск») сохранился почти полностью, потеряв лишь первую букву *s*.

Р. Г. Т. Социальные сети Испании стали колыбелью появления неологизмов. Некоторые возникали как мемы, другие – из-за отсутствия термина, который мог бы описать ситуацию или чувство соответствующим образом. В результате мы встречаем в испанском языке *coronacrisis* («коронакризис»), *macrivirus* («макривирус»), *aplusazo* («большие аплодисменты»), *cuarentenear* («проводить карантин»), *coronials* («корониалов» – поколение, которое рождается во время карантина).

Назову другие юмористические преобразования: *coronaburro* («корона-ослик») и иронический призыв к *al confinamiento* («конфиттинг» – предсказуемое увеличение веса при отсутствии физических упражнений и наличии лишних калорий). Для номинации людей, оскорбляющих тех, кто ходит по улице, не выясняя причин передвижения, – *balconazis* («балкон-наци»). Также появились такие термины, как *infodemia* и *desinfodemia*, испанизированные версии английских *infodemic* и *desifodemic*, *covidiot* («ковидиот») и некоторые другие выражения.

Помимо *conspiranoias* (заговоров), еще одного актуализированного слова, пандемия заставила наши СМИ говорить о *casos* (случаях), которые могут быть *confirmados* (подтверждены) или *sospechosos* (подозрительны), о *curva epidémica* (эпидемических кривых), *curvas descendentes* (нисходящих кривых), *vigilancia e información epidemiológica* (надзоре и эпидемиологической информации), *factores y grupos de riesgo* (факторах и группах риска) *distanciamiento social obligatorio* (обязательной социальной дистанции). Несколько позже в медицинском лексиконе появляются другие слова и термины, такие как *tasa de morbilidad* («уро-

вень заболеваемости»), *tasa de mortalidad* («уровень смертности»), *prevalencia* («распространенность»), *incidencia* («заболеваемость») и *letalidad* («летальность»). Продуктивны и математические термины: *algoritmo* (алгоритм), с помощью которого вычисляются и прогнозируются *picos* (пики), *tasas de duplicación* («показатели удвоения»).

Появляется тревожная лексика, напоминающая о концлагере: *permiso para conducir* («пропуск»), *permiso para circular* («разрешение на передвижение»), *guetto* («гетто»), *aislamiento* («изоляция»). Возникают постапокалиптические единицы: *nueva normalidad* («новая нормальность»), *postpandemia* («постпандемия»). Наряду с этими лексемами присутствует определенная тяга к словам ободрения, к словам, которые обеспечивают безопасность.

A. T.-R., D. D. Through analysing the words with the highest frequencies and their co-occurrences, we have found that military-like rhetoric was present in Twitter posts around the campaign. As is visible from the word cloud above and the graph below, words such as '*lucha*' (fight), '*esfuerzo*' (strain), '*juntos*' (together), '*apoyo*' (support), '*proteger*' (to protect), '*crisis*' (crisis), '*alarma*' (alarm), and '*gobierno*' (government) are all used as much as medical words – '*maskarillas*' (masks), '*sanitaria*' (sanitary), '*salud*' (health), and '*esenciales*' (essential products and jobs).

An analysis which looks at the co-occurrences of words in the dataset, shows that the military-like rhetoric is often used together. If a cluster of words has one military-related word, it will necessarily have others. Among those there are: '*cuervos*' (corps), '*seguridad*' (security), '*fuerzas*' (forces), '*base*' (base), '*ejercitoaire*' (air force), '*luchar*' (to fight). Further, we find '*national*' (national), '*policia*' (police), '*lucha*' (fight), '*ejercitotierra*' (the army), '*operacionbalmis*' (Operation Balmis, an army operation)³, '*somos tu ejercito*' (we are your army), '*medido*' (measured or quantified) and '*permiso*' (permit). In another cluster of words, we see '*emergencia*' (emergency), '*crisis*' (crisis), '*sabotaje*' (sabotage), '*directo*' (forthright), '*rendimos*' (we are surrounding) and once again '*alarma*' (alarm) and '*medidas*' (measures). Among the most used in connection with the campaign, we also find '*proteccion*' (protection), '*estado de alarma*' (state of alarm), '*fuerza*' (force, power), '*frente*' (against), '*pandemia*' (pandemic), '*presidente*' (president), and '*solidaridad*' (solidarity).

In the last clusters of words, we see '*agentes*' (agents), '*subordinados*' (subordinates), '*civiles*' (civilianz), '*guardias*' (guards), '*para servir y proteger*' (to serve and protect), '*unida*' (united), '*solidaria*' (solidarity), '*venceremos*' (we will overcome), '*esfuerzo*' (effort), and '*gobierno*' (government) once again.

The strictness of the lockdown rules in Spain, which prohibited residents from leaving their houses even for exercise or non-essential

³ The mission of the armed forces in this health crisis has been named Operation Balmis as a tribute to the humanitarian expedition led by Francisco Javier de Balmis against smallpox in 1803.

jobs, and forced the country's children to stay at home for six full weeks, has raised questions about the 'fairness' of such measures [Kassam]. The media and social networks questioned the difference between being confined in a house with a garden or a big terrace and a tiny flat, thus highlighting inequalities present in Spanish society [Petlier, Minder]. Some psychologists even compare lockdown to a 'prison' for these children, and there is evidence that the Spanish youth suffered even more psychological damage than those in Italy [Orgilés et al.]. However, in war-time rhetoric, when one is at war, everyone is supposedly equal and united in the urge to 'combat' the enemy, so there should be less discontent with the rules and less disobedience. '*La lucha*' (the fight) against the coronavirus, it turned out, was being defined as one with a beginning and an end, so that the '*sacrificios*' (sacrifices) that society had to suffer would not be in vain but instead lead to a supposed common good.

Some journalists have also pointed out that during Franco's dictatorship 75 years ago, a decree on infectious diseases used the same rhetoric and measures [Peral] proposed by the current government. In his *Myth of the Blitz*, Angus Calder (1991) claims that in the 1980s, Thatcher and the opposing Labour Party referred to a collective war memory that was not connected to the war in question. This public discourse, however, excluded marginal (albeit important) groups and constructed a very narrow, politically manipulative, and nostalgic collective memory instead [Calder, p. 27]. The same rather superficial reference to WWII is often used now in Putin's Russia in collective memory constructs.

During this period of the pandemic, as our analysis has confirmed, the communication strategy of the Spanish government on Twitter clearly consisted of prioritising the armed forces and the Spanish administration. The analysis showed that military-like rhetoric was also used on Twitter by various actors.

However, as it became clear by August 2020, when we were finishing the article, Covid-19 is not an enemy which can be easily defeated. Now, when the sanitary experts warn about the possibility of a second strict confinement, psychologists agree that the reserve of 'resilience' of Spaniards is exhausted [Kassam].

Further research should involve a comparison of the political communication strategies of various governments in social networks during the pandemic crisis, looking both at word usage, the choice of speakers, and the effects it has on citizens, according to media reports.

А. М. Хочу обратить внимание на актуализацию слова *riskiryhmä* («группа риска»), которое наполнилось новым содержанием. В самом начале пандемии министры подчеркивали, что надо особо заботиться о людях, входящих в группу риска. В эту группу вошли *perussairaat* (люди, болеющие какими-либо хроническими болезнями) и *ikäihmiset* (пожилые люди), поскольку опыт других стран показал, что для них риск умереть от коронавируса намного выше, чем для здоровых мо-

лодых людей. Пожилым людям дали впервые в истории Финляндии точное определение: это те, кому 70 лет и больше. Для граждан группы риска ввели более жесткие ограничения, чем для остального населения. Таким образом, в стране появилось две категории людей: пожилые и «нормальные».

И. В. А мне хотелось бы подчеркнуть, что в ситуации социального напряжения ярко проявляется присущий русской лингвокультуре словоцентризм: активизируются креативные операции как с планом выражения, так и с планом содержания словесных знаков, актуальных для текущего времени. Языковая игра является одним из способов адаптации к психологически трудному периоду в жизни общества. Велик пласт окказиональной лексики, иронически передающей состояние общества: *коронавирые*, «*Безумие*» (комедийный веб-сериал режиссера А. Молочникова), *карантец*, *ковидло*, *макаронновирус* и *гречкохайп* (нездоровый ажиотаж, связанный с массовой закупкой макарон и гречки), *маскобесье*, *вируспруденция*, *карантэ* (умение владеть собой в самоизоляции), *расхламинго* (популярное домашнее занятие, связанное с уборкой в доме во время вынужденного карантинного безделья), *вжоперти* (фонетическое сближение с узуальной единицей *взаперти*). Появились номинации людей с их отношением к пандемии: *коронапофигисты*, *ковигисты*, *карантье* (владелец собаки, сдающий ее в аренду для прогулок), *голомордые*. В основе образования окказиональных единиц часто лежит принцип обыгрывания фоносемантических сближений.

Стрессовое состояние общества отражает и метафорическое употребление коронавирусного лексикона: *У нас больше эпидемия истерики и эпидемия страха, чем эпидемия коронавируса* (Комсомольская правда. 16.04.2020); *На фоне растерянности и полного коронавируса головного мозга в обществе остается место добрым делам* (Костромские ведомости. 24.03.2020).

Источник метафоры – обычно военная терминология: *Владимир Путин сравнил нашествие коронавируса с половцами и печенегами, терзавшими Россию, и пообещал победить эту заразу* (Московский комсомолец. 09.04.2020); *Сводки с фронтов мировой войны против коронавируса* (Липецкая газета. 15.04.2020); *Нынешнюю пандемию нередко называют войной без выстрелов* (Российская газета. 23.03.2020). И в этой войне героями-защитниками являются медики: *Мы не устаем восхищаться самоотверженностью врачей, работающих в больницах, приспособленных под борьбу с коронавирусом. Мы сравниваем их с бойцами на передовой. Но как долго могут продержаться на передовой бойцы?* (Коммерсантъ. 15.05.2020); *В связи с пандемией COVID-19 в мировых СМИ на первой странице «сводки с антивирусных фронтов»* (Областная газета (Екатеринбург). 14.04.2020).

Пандемия коронавируса выступила катализатором достаточно неожиданных процессов в отдельных сферах речевого общения. Кроме известного перехода школ и вузов на дистанционное обучение, изменились и устоявшиеся формы религиозной коммуникации.

Т. И. До пандемии богослужение осуществлялось в пространстве храма в реальном времени. Сейчас богослужебная коммуникация стала дистантной, опосредованной. Целый ряд богослужебных жанров начали функционировать в онлайн-режиме достаточно безболезненно, например, молитвы: молебен, панихида, лития, вечерня и литургия.

В то же время относительно многих других жанров и их перевода в режим онлайн возникли богословские споры. Речь идет не просто о совместной молитве, но об участии в таинствах церкви, которые всегда осуществлялись в реальном времени и пространстве. Вопрос об онлайн-причастии, исповеди, соборовании остается открытым. Во время перечисленных таинств священнослужитель не просто совершает молитву, но и осуществляет ряд действий с сакральными предметами и участниками таинств. Опыт совершения этих таинств онлайн вызывает неоднозначную реакцию канонического большинства [Системные проблемы православия].

Понятие «приход» стало утрачивать сему «близкое пространство», так как совершить совместную молитву стало возможным, находясь за пределами храма. Более того, молящиеся получили возможность выбирать разные храмы, переключаться во время богослужения с одного храма на другой, виртуально присутствовать на богослужениях в знаковых местах, в местах паломничества, например, в известных монастырях. Онлайн-богослужение привело к расширению сакрального пространства: видеокамеры, установленные в алтаре, позволили мирянам увидеть и услышать прежде скрытое от них действо.

Наблюдается изменение текста канонических жанров, в частности, литургии. Святейший патриарх Кирилл утвердил так называемую молитву от коронавируса [Молитвенные прошения]. Литургия как составной жанр представляет собой зафиксированный текст, изменяемые части которого канонически регламентированы. Внесение в текст литургии молитвы «о вредоносном поветрии» стало новшеством, которое вызывает тревогу и требует богословского обоснования [Соколовски, с. 26].

Отметим также факт делегирования полномочий от священника мирянам, которые находятся в другом, нецерковном пространстве. Так, патриарх Кирилл разрешил мирянам самостоятельно освящать снесь на Пасху, что ранее было прерогативой священнослужителей.

Процессы, происходящие сегодня в религиозной коммуникации и обусловленные экстралингвистическими факторами, развиваются одновременно по нескольким направлениям: коммуникативно-

прагматическому, жанровому, языковому. Думается, что изменения носят поступательный и необратимый характер.

И. В. Подведем итоги. Участники дискуссии – ученые-лингвисты стран, в которых оценка сложившейся ситуации различна: это Швеция, отказавшаяся вводить жесткие карантинные меры и выбравшая свой путь борьбы с вирусом, Испания – одна из стран, наиболее пострадавшая от пандемии, Финляндия, серьезно подошедшая к проблеме государственного регулирования во время эпидемии, и Россия, которая ввела карантинные меры задолго до появления пика заболеваемости. Но все страны объединяет общий лексикон дискурса пандемии: это медицинская терминология и актуальная лексика, напрямую отражающая аспекты сложившегося положения дел. Участники дискуссии выбрали различные аспекты анализа языкового существования в период пандемии. Интересным оказался юридический аспект проблемы, а также факты проявления языковой игры, реализующей терапевтическую функцию языкового сопротивления страшной реальности, и метафоры, подчеркивающей «военный» характер периода пандемии.

Список литературы

В ВОЗ поставили в пример стратегию Швеции по коронавирусу // Газета.ru : [сайт]. 2020. 1 сент. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/09/01/n_14874302.shtml (дата обращения: 12.09.2020).

Генсек ООН назвал пандемию коронавируса «пятым всадником апокалипсиса» // Аврора : информ. агентство : [сайт]. 2020. 22 сент. URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavlenija/84022-gensek-oon-nazval-pandemiju-koronavirusa-pjatymsadnikom-apokalipsisa> (дата обращения: 12.09.2020).

Молитвенные прошения в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции // Русская православная церковь : офиц. сайт Московского патриархата. 2020. 21 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5610433.html> (дата обращения: 20.09.2020).

Мустайоки А., Стеклова Т. И. Наблюдения над нестандартными субъектами: что могут делать наука, политика и экономика? // Сибирский филологический журнал. 2008. № 2. С. 193–208.

Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : материалы первого семинара / сост. С. В. Чапнин. М. : Проект «Соборность», 2020. 104 с.

Соколовски А. Молитва Церкви в период пандемии: новое осмысление реальности // Системные проблемы православия: анализ, осмысление, поиск решений : материалы первого семинара / сост. С. В. Чапнин. М. : Проект «Соборность», 2020. С. 21–26.

Функциональный синтаксис русского языка : учебник для вузов / А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М. : Юрайт, 2019. 728 с.

Calder A. The Myth of the Blitz. L. : Pimlico, 1992. 302 p.

Carley K. Network Text Analysis: The Network Position of Concepts // Text Analysis for the Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts / ed. by C. W. Roberts. N. Y. : Lawrence Erlbaum, 1997. P. 112–136.

Costa-Sánchez C., López-García X. Comunicación y crisis del coronavirus en España. Primeras lecciones // El profesional de la información. Vol. 29. 2020. № 3. E290304. DOI 10.3145/epi.2020.may.04.

Davi A., Houghton D., Nasr N. et al. A Review of Two Text-Mining Packages: SAS TextMining and WordStat // *Am. Statistician*. Vol. 59. 2005. № 1. P. 89–103. DOI 10.2307/27643624.

Gruzd A., Tsyganova K. Politically Polarized Online Groups and Their Social Structures Formed Around the 2013–2014 Crisis in Ukraine // *Internet, Policy and Politics (IPP) Conference : Crowdsourcing for Politics and Policy*. University of Oxford, UK, September 25–26, 2014. URL: http://blogs.oxi.ox.ac.uk/ipp-conference/sites/ipp/files/documents/IPP2014_Gruzd.pdf (accessed: 25.08.2020).

Humphreys A., Jen-Hui Wang R. Automated Text Analysis for Consumer Research // *J. of Consumer Research*. Vol. 44. 2018. Iss. 6. P. 1274–1306. DOI 10.1093/jcr/ucx104.

Kassam A. Spain Warned of Dire Impact of Second Coronavirus Lockdown // *The Guardian*: [website]. 25 August 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/25/spain-warned-of-dire-impact-of-second-coronavirus-lockdown> (accessed: 25.08.2020).

López-García G. Vigilar y castigar: el papel de militares, policías y guardias civiles en la comunicación de la crisis del Covid-19 en España // *El profesional de la información*. Vol. 29. 2020. № 3. E290311. DOI 10.3145/epi.2020.may.11.

Marklund-Sharapova E. et al. Norstedts stora ryska ordbok : rysk-svensk, svensk-rysk : [144.000 ord och fraser]. Stockholm : Norstedt, 2006. 1200 p.

Orgilés M., Morales A., Delvecchio E. et al. Immediate Psychological Effects of the COVID-19 Quarantine in Youth from Italy and Spain // *PsyArXiv*. 2020. April 21. DOI 10.31234/osf.io/5bpfz.

Ortega E. Los hashtags políticos que han triunfado en Twitter en enero : Vox publicita su mensaje mientras Podemos y PSOE abandonan el activismo digital // *Business Insider*: [website]. 1 Febr. 2020. URL: <https://www.businessinsider.es/hashtags-politicos-populares-durante-mes-enero-espana-570743> (accessed: 27.08.2020).

Peral M. Franco se adelantó a Sánchez: previó un “carné de inmunidad” y plazas para «aislamiento» forzoso // *El Español*: [website]. 12 Apr. 2020. URL: https://www.elespanol.com/espana/tribunales/20200412/franco-adelanto-sanchez-previo-inmunidad-aislamiento-forzoso/481702417_0.html (accessed: 28.08.2020).

Petlier E., Minder R. In Spain, a Call to ‘Free Our Children’ from Coronavirus Confinement // *The New York Times*: [website]. 18 Apr. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/18/world/europe/spain-children-lockdown-coronavirus.html> (accessed: 30.08.2020).

RAE – Crisis del COVID-19: sobre la escritura de coronavirus // *RAE*: [website]. 18 March 2020. URL: <https://www.rae.es/noticias/crisis-del-covid-19-sobre-la-escritura-de-coronavirus> (accessed: 30.08.2020).

Regeringskansliet: [website]. URL: <https://www.regeringen.se> (accessed: 17.09.2020).

RTVE – Los contagios siguen subiendo en España: Sanidad suma 23.572 casos y 83 muertos desde el Viernes // *RTVE*: [website]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20200831/curva-contagios-muertes-coronavirus-espana-dia-dia/2010514.shtml> (accessed: 16.08.2020).

Svensk ordbok: [100.000 ord och fraser]. 3rd Ed. / ed. A. Abelin. Stockholm : Norstedts, 1999. 1512 p.

Viimaranta J., Mustajoki A. What Can Science, Religion, Politics, Culture and the Economy Do? A Corpus Study of Metonymical Conceptualization Combined with Personification // *Scando-Slavica*. Vol. 66. 2020. Iss. 1. P. 71–85. DOI 10.1080/00806765.2020.1741025.

Weber K. A Toolkit for Analyzing Corporate Cultural Toolkits // *Poetics*. 2005. № 33. P. 227–252. DOI 10.1016/j.poetic.2005.09.011.

References

Abelin, A. (Ed.). (1999). *Svensk ordbok [100.000 ord och fraser]*. 3rd Ed. Stockholm, Norstedts. 1512 p.

- Calder, A. (1992). *The Myth of the Blitz*. L., Pimlico. 302 p.
- Carley, K. (1997). Network Text Analysis: The Network Position of Concepts. In Roberts, C. W. (Ed.). *Text Analysis for the Social Sciences: Methods for Drawing Statistical Inferences from Texts and Transcripts*. N. Y., Lawrence Erlbaum, pp. 112–136.
- Chapnin, S. V. (Ed.). (2020). *Sistemnye problemy pravoslaviya: analiz, osmyslenie, poisk reshenii* [Systemic Problems of Orthodoxy: Analysis, Comprehension, Search for Solutions]. Moscow, Proekt “Sobornost”. 104 p.
- Costa-Sánchez, C., López-García, X. (2020). Comunicación y crisis del coronavirus en España. Primeras lecciones. In *El profesional de la información*. Vol. 29. No. 3. E290304. DOI 10.3145/epi.2020.may.04.
- Davi, A., Houghton, D., Nasr, N. et al. (2005). A Review of Two Text-Mining Packages: SAS TextMining and WordStat. In *Am. Statistician*. Vol. 59. No. 1, pp. 89–103. DOI 10.2307/27643624.
- Gensek OON nazval pandemiyu koronavirusa “pyatym vsadnikom apokalipsisa” [UN Secretary General Calls Coronavirus Pandemic “Fifth Horseman of the Apocalypse”]. (2020). In *Aurora. Informatsionnoe agentstvo* [website]. 22 Sept. URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavleniya/84022-gensek-oon-nazval-pandemiju-koronavirusa-pyatym-vsadnikom-apokalipsisa> (accessed: 12.09.2020).
- Gruzd, A., Tsyganova, K. (2014). Politically Polarized Online Groups and Their Social Structures Formed around the 2013–2014 Crisis in Ukraine. In *Internet, Policy and Politics (IPP) Conference. Crowdsourcing for Politics and Policy*. University of Oxford, UK, September 25–26, 2014. URL: http://blogs.oii.ox.ac.uk/ipp-conference/sites/ipp/files/documents/IPP2014_Gruzd.pdf (accessed: 25.08.2020).
- Humphreys, A., Jen-Hui Wang, R. (2018). Automated Text Analysis for Consumer Research. In *J. of Consumer Research*. Vol. 44. Iss. 6, pp. 1274–1306. DOI 10.1093/jcr/ucx104.
- Kassam, A. (2020). Spain Warned of Dire Impact of Second Coronavirus Lockdown. In *The Guardian* [website]. 25 Aug. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/25/spain-warned-of-dire-impact-of-second-coronavirus-lockdown> (accessed: 25.08.2020).
- López-García, G. (2020). Vigilar y castigar: el papel de militares, policías y guardias civiles en la comunicación de la crisis del Covid-19 en España. In *El profesional de la información*. Vol. 29. No. 3. E290311. DOI 10.3145/epi.2020.may.11.
- Marklund-Sharapova, E. et al. (2006). *Norstedts stora ryska ordbok: rysk-svensk, svensk-rysk [144.000 ord och fraser]*. Stockholm, Norstedt. 1200 p.
- Molitvennye prosheniya v svyazi s ugrozoi rasprostraneniya koronavirusnoi infektsii [Prayer Requests in Connection with the Threat of the Spread of the Coronavirus Infection]. (2020) In *Russkaya pravoslavnaya tserkov'* [official website]. 21 March. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5610433.html> (accessed: 20.09.2020).
- Mustajoki, A., Sabitova, Z. K., Parmenova, T. V., Biryulin, L. A. (2019). *Funksional'nyi sintaksis russkogo yazyka. Uchebnyk dlya vuzov* [Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Yurait. 728 p.
- Mustajoki, A., Steksova, T. I. (2008). Nablyudeniya nad nestandartnym sub'ektami: chto mogut delat' nauka, politika i ekonomika? [Observations on Non-Standard Subjects: What Can Science, Politics, and the Economy do?]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 193–208.
- Orgilés, M., Morales, A., Delvecchio, E. et al. (2020). Immediate Psychological Effects of the COVID-19 Quarantine in Youth from Italy and Spain. In *PsyArXiv*. 2020. Apr. 21. DOI 10.31234/osf.io/5bpfz.
- Ortega, E. (2020). Los hashtags políticos que han triunfado en Twitter en enero. Vox publicita su mensaje mientras Podemos y PSOE abandonan el activismo digital. In *Business Insider* [website]. 1 Febr. URL: <https://www.businessinsider.es/hashtags-politicos-populares-durante-mes-enero-espana-570743> (accessed: 27.08.2020).
- Peral, M. (2020). Franco se adelantó a Sánchez: previó un “carné de inmunidad” y plazas para «aislamiento» forzoso. In *El Español* [website]. 12 Apr. URL: https://www.elespanol.com/espana/tribunales/20200412/franco-adelanto-sanchez-previo-inmunidad-aislamiento-forzoso/481702417_0.html (accessed: 28.08.2020).

Petlier, E., Minder, R. (2020). In Spain, a Call to 'Free Our Children' From Coronavirus Confinement. In *The New York Times* [website]. 18 April. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/18/world/europe/spain-children-lockdown-coronavirus.html> (accessed: 30.08.2020).

RAE – Crisis del COVID-19: sobre la escritura de coronavirus. (2020). In *RAE* [website]. 18 March. URL: <https://www.rae.es/noticias/crisis-del-covid-19-sobre-la-escritura-de-coronavirus> (accessed: 30.08.2020).

Regeringskansliet [website]. (2020). URL: <https://www.regeringen.se> (accessed: 17.09.2020).

RTVE – Los contagios siguen subiendo en España: Sanidad suma 23.572 casos y 83 muertos desde el Viernes (2020). In *RTVE* [website]. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20200831/curva-contagios-muertes-coronavirus-espana-dia-dia/2010514.shtml> (accessed: 16.08.2020).

Sokolovski, A. (2020). Molitva Tserkvi v period pandemii: novoe osmyslenie real'nosti [Prayer of the Church during the Pandemic: A New Understanding of Reality]. In Chapnin, S. V. (Ed.). *Sistemnye problemy pravoslaviya: analiz, osmyslenie, poisk reshenii*. Moscow, Proekt "Sobornost'", pp. 21–26.

V VOZ postavili v primer strategiyu Shvetsii po koronavirusu [WHO Cites Sweden's Coronavirus Strategy as an Example]. (2020). In *Gazeta.ru* [website]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/09/01/n_14874302.shtml (accessed: 12.09.2020).

Viimaranta, J., Mustajoki, A. (2020). What Can Science, Religion, Politics, Culture and the Economy Do? A Corpus Study of Metonymical Conceptualization Combined with Personification. In *Scando-Slavica*. Vol. 66. Iss. 1, pp. 71–85. DOI 10.1080/00806765.2020.1741025.

Weber, K. (2005). A Toolkit for Analyzing Corporate Cultural Toolkits. In *Poetics*. No. 33, pp. 227–252. DOI 10.1016/j.poetic.2005.09.011.

The article was submitted on 25.09.2020